

АНДЕРС
РОСЛУНД

ИМЕНИННИЦА

Москва
2021

С днем рожденья тебя

Ранее

Итак, мне пять лет.

Или почти.

Я знаю — пять лет и еще несколько дней и ночей.

Еще совсем недавно я сидела за столом на кухне между папой и мамой, напротив Элиота и Юлии, и задувала свечи на торте. Ровно пять штук — и все такие красные. Разве только чуть синеватые внизу, если присмотреться внимательней.

С тех пор прошло всего несколько дней и ночей.

Я прокашливаюсь и начинаю петь. Я счастлива, как и всегда, когда пою. «С днем рождения тебя...» — мой звонкий голос отскакивает от потолка и стен и возвращается ко мне — остается поймать его и сжать в объятиях.

С днем рожденья тебя-я-я...

С днем рожденья тебя-я-я...

Эта песня заглушает даже телевизор. Детский канал — я смотрела его весь день. И вчера тоже, и позавчера. Такого никогда не бывало раньше.

Я поднимаюсь. Трудно сидеть на полу, когда ноги хотят двигаться, что случается с ними все чаще. Я передвигаюсь прыжками. Гостиная велика, и здесь мне следует быть особенно осторожной, потому что диван почти новый, а стол стеклянный. Стоит на секунду забыть — и на нем появляются пятна, похожие на отпечатки моих пальцев.

Я покидаю гостиную и оказываюсь в комнате Элиота, где он сидит за настоящим письменным столом перед включенной лампой и делает вид, что читает. Я-то знаю, что это не так. Он просто смотрит в открытую книгу.

Но читать Элиот умеет, он ведь учится во втором классе. Он стал таким хорошим в последнее время. Наверное, потому что у меня день рождения. Мне больше не четыре года, я совсем большая. И Элиот разрешает мне играть со своим автобаном, который обычно ставил высоко в шкаф, чтобы я не могла достать. Даже позволил мне поиграть два раза с голубым автомобилем с желтой полосой на крыше. Раньше такого не бывало.

Я прыгаю только на одной ноге. А если вторая тоже нечаянно коснется земли, возвращаюсь на прежнее место и начинаю сначала. Я сама придумала такие правила.

В комнате Юлии есть кукольный домик. Он старинный, и мне не дают с ним играть. Стоит мне только взять его в руки — и Юлия устремляется в мою комнату, хватает меня и начинает изо всех сил трясти. Но сейчас моя старшая сестра спит. На животе, отвернув лицо в сторону. Поэтому она не видит, что несколько игрушечных стульев переместились с верхнего этажа домика на нижний.

Теперь прыгать опасно. Вдруг она услышит? Самым правильным будет улизнуть как можно скорее. Даже подумать страшно, что будет, если Юлия проснется и увидит меня возле ее кукольного домика. Она будет кричать, может, даже пустит в ход кулаки.

Мама сидит на кухне и смеется. Не так, чтобы было всем слышно, но я вижу, как она радуется, глядя на мои прыжки. Это здорово, когда у мамы хорошее настроение. Можно пить апельсиновый сок прямо из прямоугольной упаковки и не бояться, что несколько капель стечет по подбородку на пол. А можно насыпать на стол немного коричневого сахара и муки и попробовать замесить тесто.

Я взбираюсь маме на колени, уцепившись за край стола. Теперь с ней так легко разговаривать. Стоит только приложить ухо к животу или груди мамы, и можно услышать ее голос, еще до того, как она успеет что-нибудь сказать.

Посидев у мамы на коленях, я, все так же прыгая на одной ноге, пробираюсь в прихожую, к папе, который читает газету в плетеном кресле. Я не должна ему мешать, по-

этому стараюсь передвигаться как можно тише среди старых зонтиков, ваз и множества обуви. Тссс — я замираю. Но кресло широкое, в нем хватит места и для меня тоже. Я знаю, что папе нравится, когда я сажусь рядом с ним. Главное, чтобы я не мешала ему перелистывать огромные газетные страницы, которые так громко шелестят.

Элиот и Юлия, мама и папа. Теперь я люблю их даже больше, чем раньше. Потому что могу говорить, сколько хочу, а они меня слушают.

Как все-таки хорошо, что мне исполнилось пять лет и еще несколько дней и ночей.

Я снова пою. *С днем рождения те-ебя-я...* Так громко, что не слышу, как в дверь звонят. Но звонок повторяется, и я замолкаю. Спрыгиваю с папиных колен и во весь дух бегу к входной двери. Теперь я могу дотянуться до замка, стоит только встать на цыпочки и, может, совсем чуть-чуть подпрыгнуть.

Я должна повернуть эту блестящую штуку. Это мама научила меня управляться с ней, когда говорила, что нужно запира́ть за собой дверь.

И еще мама говорила, что эта штука должна быть похожа на улыбку, а не на нос.

Я хватаю ее пальцами... Еще и еще раз.

Красивая дверь

Массивное, темное дерево — начало двадцатого века. И звонок не резкий, а как будто чуть приглушенный, эхом отдается от стен с обоями в цветочек. Эти обои не производят впечатление наклеенных и словно прорастают сквозь стены, по мере того как поднимаешься по чуть закругленной лестнице. Дом в центре Стокгольма. Эверт Гренс окидывает взглядом высокий, благородный потолок и в третий раз нажимает кнопку звонка.

— Там кто-то есть, точно... Я слышу это весь день, сквозь пол в гостиной, прихожей и даже в туалете. И так громко, будто поют совсем рядом. Представляете, как надо кричать?

Противный писклявый голос сзади приближается к Эверту Гренсу со спины.

Тот не поворачивается, не отвечает, звонит в дверь в четвертый раз.

— Это кто-то из детей, точно. У них их трое. И телевизор, который не выключается вот уже которые сутки. Он работает даже ночью, представляете? Вот я и решил сообщить в полицию... Моя квартира этажом выше.

Наконец комиссар поворачивается.

Мужчина чуть за сорок сложил руки на груди. Эверт Гренс терпеть не может таких типов и сам не знает почему. Наверное, потому что они так любят подглядывать за соседями в замочную скважину.

— С днем рожденья те-ебя-я...

— Что? — переспрашивает Эверт.

— Ребенок, — мужчина кивает на дверь. — Поет...

«Это тот человек, который сообщил о подозрительных звуках, — догадывается Гренс. — И позвонил еще раз, когда к звукам добавились не менее подозрительные запахи».

— Могу я попросить вас вернуться в свою квартиру?

— Да, но это ведь я...

— Вы все сделали правильно, — перебивает мужчину комиссар, — и теперь мне хотелось бы, чтобы вы поднялись к себе. Я разберусь с этим один.

Гренс ждет, пока мужчина удалится, и снова нажимает звонок, на этот раз чуть дольше удерживая на нем палец. Никто не открывает. Гренс пытается приподнять крышку почтовой щели — ничего не получается. И тут по ту сторону двери раздаются характерные щелчки.

Кто-то упорно возится с замком и мягко стучит в пол.

— Полиция.

И снова приглушенный звук, словно кто-то прыгает.

— Полиция, откройте.

Похоже, с замком все получилось. Теперь в движение приходит дверная ручка.

Эверт Гренс терпеть не может оружие, но сейчас он вытаскивает пистолет из наплечной кобуры и отступает в сторону на полшага.

У нее довольно длинные волосы. Комиссар мало что понимает в детях, но дает ей четыре — самое большое пять — лет.

— Здравствуйте.

На ней красное платье, с жирными пятнами на груди и животе.

Она улыбается. На лице пятен еще больше, похоже на последствия неаккуратного приема пищи.

— Привет. Мама и папа дома?

Девочка кивает.

— Отлично. Можешь позвать их?

— Нет.

— Нет?

— Они не могут ходить.

— Не могут?

Час от часу ситуация становится все более странной.

И этот запах, такой узнаваемый. Комиссар почувствовал его еще у роскошной лестницы, и он просто шибанул в нос, когда девочка открыла дверь. Эверт Гренс понял его происхождение, лишь когда углубился на несколько шагов в прихожую и оказался перед мужчиной, который сидел, откинувшись в плетеном кресле, между шляпной полкой и шкафчиком для обуви.

— Вот мой папа.

Огромное пулевое отверстие во лбу, чуть справа. Стреляли в упор, с близкого расстояния. Похоже, револьвер, пули с мягким наконечником — наполовину свинец, наполовину титан.

— Я же говорила...

Еще одно, меньшее, чуть ниже левого виска, под косым углом.

— ...что они не могут ходить.

Прежде чем комиссар успевает отреагировать, девочка запрыгивает папе на колени. Отводит в сторону негнущаяся руки, устраивается в кресле справа от мертвеца.

— Иди сюда, — зовет ее комиссар.

— Мне надо поговорить с папой.

— Иди сюда.

Гренс никогда не брал на руки ребенка такого возраста. Девочка оказывается тяжелее, чем он предполагал, когда он осторожно поднимает ее за плечи.

— Еще кто-нибудь здесь есть?

— Кто-нибудь? — повторяет она.

— Только ты и папа?

— Все здесь.

Мама сидит на кухне. Она как будто улыбается, но лицо окаменело, и губы словно смерзлись. Два пулевых отверстия, как у папы, — во лбу и пониже виска. На столе, полу и платье — мука и сахар. Подошвы ботинок липнут к полу, когда Гренс приближается к женщине. Но взгляд приковывает торт, все еще не разрезанный, с пя-

тью потушенными свечами и ломтиками зеленого марципана.

- Это мой торт.
- Очень красивый.
- Я сама потушила свечи.

Еще двое обнаруживаются там, куда указывает девочка. Сестра лежит на кровати в своей комнате, входное пулевое отверстие в затылке. Брат за письменным столом — дыра в виске, чуть под углом сверху.

И этот чертов звук на полную громкость. Детский канал.

Эвэрт Гренс выключает телевизор и словно освобождает место для проклятого запаха.

Огромная гостиная сразу кажется пустой.

Гренс опускается на черный кожаный диван, длинный и блестящий, девочку сажает на кресло. Комиссар смотрит на нее. Похоже, малышка совсем не боится, что-то напевает себе под нос.

- У тебя красивый голос.
- С днем рождения те-ебя-я...
- Очень хорошо поешь. У тебя день рождения?
- Да.
- Пять лет? Сколько свечей на торте?
- И еще несколько дней.
- Несколько дней?
- И ночей.

Эвэрт Гренс озирается, старается дышать медленнее, ритмичнее.

Несколько дней и ночей — столько она живет с этим запахом.

Сейчас

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Он никогда не любил лето.

Это неприятное ощущение, как будто что-то постоянно липнет к коже, с которым он одно время боролся, но безуспешно.

Жара.

Жизнь останавливается. Люди гуляют в шортах и слишком громко смеются.

Комиссар Эверт Гренс лежал на вельветовом диване, — давно уже однотонно коричневом, без полос, — положив голову на слишком высокий подлокотник и утопая спиной в просиженной набивке. Из динамиков, втиснутых на полке между папками с материалами расследований, лились ласкающие слух шлягеры шестидесятых, которые Сив Мальмквист пела сегодня только для него.

Оба окна в комнате нараспашку. Двадцать семь градусов снаружи, столько же внутри — и это утром. Эверт Гренс прекратил сопротивляться, когда понял, что не одинок. Это лето изменило многих, и те, кто не проклинал погоду, обращали ненависть против людей. Чертова жара ввела им в мозг. Заключенные бунтовали, задыхаясь в камерах. Но и вне тюремных стен все тряслось как в лихорадке. Сердца работали быстрее, нагнетая ток крови в жилах, и люди чаще, чем обычно, истязали и убивали друг друга.

Гренс расследовал убийства всю свою сознательную жизнь и работал в основном ночами, которые в это время года никогда не бывали совсем темными. А отдыхать пред-

почитал поздней осенью или зимой. Гренс не мог припомнить случая, когда проводил отпуск без снега.

Из полудремы его вывел стук в дверь.

Так просто это не закончится.

Шея затекла, нога, как обычно, болела.

На сегодняшний день он старейший в этом участке, если не во всей полиции округа «Сити». Не пройдет и полгода, и Гренс канет в бездонную черную дыру, из которой не возвращаются. Она пугает его куда больше, чем постель дома. Он ни в коем случае не должен этого делать, но почему-то думает только об этом.

Он снова стучит. Настойчивый... Черт.

Больше сорока лет, боже мой... Гренс был таким молодым, когда впервые переступил порог этого здания, но уже тогда понял, что оказался на своем месте.

Тогда ему и в голову не приходило, что когда-нибудь это закончится. И не потому, что он сам того захочет, а потому, что так решило за него общество, в котором Гренс жил и которое не выбирал.

— Эверт?

Это Хермансон, и она больше не стучит. Теперь она зовет его через замочную скважину.

— Я же знаю, что ты там... Я вхожу. Думай обо мне что хочешь.

Когда дверь открылась, Эверт все еще лежал на вельветовом диване. Коротко взглянув на него, она направилась к магнитофону и щелкнула кнопкой. Сив смолкла — песня из той эпохи, когда все было намного проще.

Марианна Хермансон — единственная в этом участке, кто никогда не склонял перед ним головы. Совсем напротив, она нередко спорила и не подозревала о том, какую гордую улыбку вызывало на лице шефа ее дерзкое поведение.

— Взлом квартиры, Эверт.

Именно ее комната располагалась в самом конце коридора. Стажерки, принятой на время летних отпусков, которую Гренс пробил через все бюрократические препо-